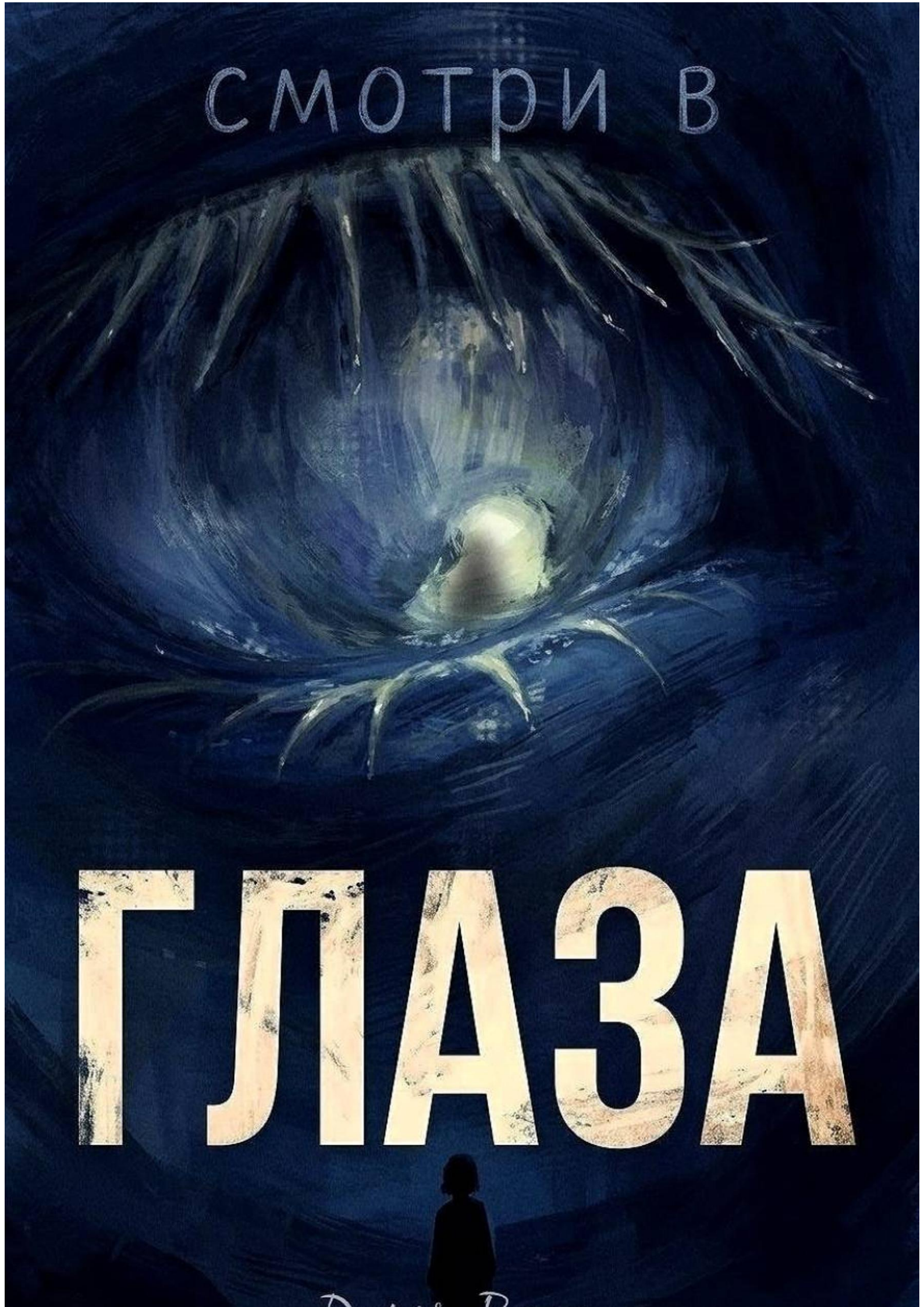

смотри в
ГЛАЗА

Дарья Росс

Смотри в глаза

«Автор»
2026

Росс Д.

Смотри в глаза / Д. Росс — «Автор», 2026

Каждую ночь восьмилетняя героиня засыпает со страхом. Её сны не детские фантазии, а пугающее порой жуткое будущее. Она видит разрушенные судьбы, надвигающуюся катастрофу, но никто из взрослых не готов поверить ребёнку.Единственное утешение в этом кошмаре - это незримый ангел-хранитель, который приходит во снах, пытаясь предупредить и уберечь её от страшного. Но когда беда всё же объявится, девочке предстоит узнать горькую правду. Никакого ангела никогда не существовало. А тот, кто всё это время смотрел на неё из темноты, знает о будущем слишком много.

© Росс Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
8 ноября 2008г. 6
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Дарья Росс
Смотри в глаза

Пролог

Взрослые говорят, что сны - это лишь буйное воображение, остатки воспоминаний из прошедших дней. Они говорят, что если крепко зажмуриться и натянуть одеяло до самого подбородка, любое чудовище исчезнет. Но я знаю... Взрослые врут!

Я давно знаю: когда закрываешь глаза, темнота не прячет тебя. Мой сон всегда начинается одинаково. Сначала пропадают звуки и перестают тикать настенные часы на кухне, затихает ветер за окном, стихают мысли... Потом пол под кроватью будто проваливается, и я оказываюсь посреди бесконечной непроглядной тьмы. Там холодно, пахнет чем-то сырым и противным.В этом месте я вижу то, чего ещё не случилось... Странно правда? Но оно случится в будущем.А дальше это место сменяется другим...Я вижу, как задыхается в дыму соседский дом, хотя днём мимо него спокойно бегают собаки. Я вижу пустую детскую площадку, где на ржавой цепи раскачиваются качели, а рядом в луже лежит чья-то забытая красная варежка. Я вижу лица людей перекошенные от ужаса, мокрые от дождя, застывшие в беззвучном крике.Последнее, что мне снилось это больница. Я видела как мою бабушку, которую увозили на кровати, на лице у неё была маска с множеством трубок...Утром я пытаюсь рассказать обо этом, кричу, цепляюсь за рукава, прошу не выходить из дома, но меня только гладят по голове и говорят: «Тише, милая, это просто кошмар»

Я бы сошла с ума от этого страха, если бы не Он...

Там, в темноте, я никогда не бываю одна. Стоит мне поднять голову, как я чувствую Его взгляд — огромный, бездонный, нависающий над самым небом, словно светлая луна в грозовых тучах. Я не вижу ни белых крыльев, ни сияющего лица. Только этот взгляд, полный такой невыносимой, глубокой печали, от которой сжимается сердце.Он не пугает меня. Наоборот... Когда мне становится совсем страшно, этот тихий свет сверху будто укрывает меня невидимым крылом. Иногда мне кажется, что я слышу Её шёпот.

Я знаю, кто это. Это мой ангел-хранитель. Он спустился с неба, чтобы предупредить меня, чтобы я успела всех спасти, успела всё исправить до того, как чёрный пепел засыплет наш город.Каждый вечер, ложась в постель, я складываю ладони в один кулачек-замочек и шепчу в темноту самые нежные слова для него.«Спасибо... Спасибо...».

Но как же жаль, что я ещё не знаю, что ангелы не плачут так горько. *И что смотреть на прошлое с высоты прожитой боли — это самое страшное наказание, которое только можно придумать.*

8 ноября 2008г.

За окном было по-осеннему сыро и зябко, но в доме с самого утра пахло ванилью, корицей и сдобным тестом — тем самым тёплым, обволакивающим запахом, который бывает только в дни рождения, когда бабушка встаёт раньше всех, чтобы замесить пирог и сделать день маленькой девочки ещё краше.

Анюте исполнилось восемь.

Она сидела на краю дивана, поджав под себя ноги в шерстяных немного колючих носках, и смотрела, как за мутным стеклом ветер гоняет по двору последние мокрые листья. На коленях у неё лежала новая тетрадь в твёрдом переплёте — подарок от бабушки, купленный в канцелярском магазине на углу. Рядом, на тумбочке, стояла чашка с недопитым какао, на поверхности которого уже успела образоваться тонкая морщинистая плёнка, которую Аня не очень любила.

Папа уехал ещё затемно: хлопнула входная дверь, звякнули ключи в прихожей, и в щель под дверью пробился холодный сквозняк с лестничной клетки. Перед уходом он заглянул в комнату, поцеловал Аню в макушку, сунул ей в ладонь шуршащую коробку с цветными фломастерами и торопливо пробормотал, что вернётся поздно — на объекте снова завал, закрывают квартал. Мама же с утра говорила по телефону на кухне: её голос звучал устало, раздражённо, с короткими сухими паузами, а потом она ушла в ванную краситься, бросив на ходу через плечо: «С днём рождения, солнышко, не забудь убрать со стола, вечером гости придут».

Аня не обижалась. Она давно привыкла, что у взрослых всегда есть дела важнее, чем слушать, о чём думает восьмилетняя девочка.

Она открыла тетрадь, взяла ручку и на первой странице, прямо под синей строчкой с датой, медленно вывела первые слова. Кончик языка усердно прижался к верхней губе, пальцы слишком сильно сжимали пластиковый корпус ручки, отчего на среднем пальце уже краснела маленькая вмятина. Аня писала о том, о чём нельзя было рассказать ни маме, ни папе, ни даже бабушке — потому что бабушка сразу начинала креститься, хмуриться и поить её сладкой мятной водой.

Она писала о своих снах иногда зарисовывала их неуклюжими пальцами.

В комнате было тихо, только на кухне мерно тикали старые настенные часы, отсчитывая секунды её восьмого дня рождения. Из прихожей доносился шорох пальто — мама собиралась в магазин за продуктами к вечернему столу.

— Анюта, я на полчаса в гастроном! — крикнула мама из коридора, звякнув связкой ключей. — Бабушка на кухне, если что, позовёшь. И не сиди у окна, дует!

Дверь захлопнулась. Через минуту из кухни вышла бабушка — в чистом переднике, с мукой на тыльной стороне ладони. Она остановилась в дверях, окинула взглядом притихшую внучку, заметила открытую тетрадь и покачала головой, но в глазах её не было строгости — только тихая, немного тревожная ласка.

— Именинница моя, — негромко сказала бабушка, подходя ближе и опуская тёплую, пахнущую тестом ладонь Ане на макушку. — Что же ты в свой праздник сидишь как воробышек нахохлённый? Пирог скоро поспеет, пойдём поможешь мне яблоки порезать. А то сидишь тут, всё пишешь да пишешь… Сны свои опять записываешь пади?

Аня подняла на неё взгляд, всё ещё сжимая ручку в пальцах, и на секунду замерла: за спиной бабушки, в полутёмном коридоре, настенное зеркало вдруг отразило не свет из кухни, а густую, холодную синеву от чего по коже пробежали мурашки.

— Бабуль… — тихо начала Аня, чувствуя, как по спине пробежал колючий холодок. — А ты сегодня никуда не пойдёшь? Правда-правда?

Бабушка нахмурилась, чуть сжав губы в тонкую ниточку, но тут же заставила себя улыбнуться, погладив внучку по щеке:

— Да куда ж мне идти, радость моя? Гостей ждать будем. Ну, вставай, хватит в тетрадку глядеть в темноте, а то глаза испортишь.

Аня послушно закрыла тетрадь, сунула её под подушку на диване — туда, где лежали старая плюшевая собака с оторванным ухом и носовой платок с вышитой ромашкой, — и пошла следом за бабушкой на кухню. На душе немного отлегло: тёплый свет, шипение масла на сковороде и сладкий дух румяного пирога быстро прогнали странное видение из зеркала в коридоре.

К пяти часам квартира наполнилась непривычным оживлением и шумом. Первой, запыхавшись и принеся с собой запах морозного перрона и дорогих духов, приехала тётка Наиса — младшая сестра бабушки. Она жила в другом городе, за четыреста километров отсюда, и появлялась редко, но каждый её приезд превращался для Ани в маленький праздник. Наиса была полной противоположностью сухощавой, тихой бабушки: громкая, улыбчивая, в ярком шерстяном шарфе, с большими кольцами на пальцах и вечно набитыми сумками.

— Ну, где тут моя взрослая племяшка? — загудела она прямо с порога, едва стащив сапоги, и сгребла Аню в охапку так крепко, что та уткнулась носом в мягкий мех её воротника. — Выросла-то как! Совсем невеста стала! Держи, это тебе от меня, только маме сразу все конфеты не показывай, а то скажет, что зубы испортишь.

Она сунула Ане шуршащий пакет с тяжёлой коробкой шоколадных конфет и большой куклой в пышном синем платье, о которой Аня даже не мечтала. На кухне тут же закипел чайник, зазвучал звонкий смех Наисы, перебиваемый негромким ворчанием бабушки, и даже мама, вернувшаяся из магазина с полными пакетами, на время перестала хмуриться и присела за стол с чашкой кофе.

А ближе к пяти в дверь позвонили снова — сначала коротким, робким звонком, а следом долгим и нетерпеливым. Пришли гости из класса: две лучшие подружки, Катя и Оля, с одинаковыми белыми бантами и подписанными открытками, и друг Сашка — веснушчатый мальчишка с соседнего подъезда, который притащил огромную коробку с конструктором и тут же принялся хвастаться, что собирал такой же у старшего брата.

В детской сразу стало тесно и шумно. На полу разложили настольную игру, развернули подарки, кто-то пролил яблочный сок на ковёр, но даже зашедшая с тряпкой бабка лишь махнула рукой — сегодня можно. Аня смеялась вместе со всеми, спорила с Сашкой из-за правил игры, поправляла бант на кукле, которую привезла тётя Наиса, и на несколько часов почти забыла о тетради под подушкой.

С Катей, Олей и Сашкой она дружила с первого класса, делилась с ними жвачками, секретами про учительницу и тем, кто кому нравится, но о своих ночных снах не заикалась ни разу. Внутри жило тихое, почти взрослое понимание: расскажи она про сны, про разные видения и про то, что иногда видит вещи до того, как они случатся, — и смех в комнате оборвётся, а друзья посмотрят на неё так, словно она сказала какую-то глупость или сошла с ума.

Вечером, когда на стол вынесли пирог с восемью тонкими свечками, вся комната собралась вокруг. Тётя Наиса громче всех затянула «С днём рождения тебя», бабушка стояла чуть позади, сложив руки на переднике и с тихой гордостью глядя на внучку, а у порога на секунду мелькнул вернувшийся с работы отец — усталый, в расстёгнутой куртке, с букетом хризантем в обёрточной бумаге.

— Загадывай желание, Анюта, — шепнула бабушка, наклоняясь к самому её уху. — Только про себя, чтобы сбылось.

Аня зажмурилась, набрала побольше воздуха и одним выдохом задула все восемь огоньков. По комнате поплыл тонкий, горьковатый дымок от тлеющих фитилей, дети захлопали в ладоши, а Аня, открыв глаза, вдруг заметила, как серый пепел с одного из фитилей осыпался прямо на белый сахарный край пирога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.